

богадельни⁷. Но заводские жители неохотно там селились. Отказываясь от казенного призрения, одинокие престарелые либо нетрудоспособные люди предпочитали проживать самостоятельно. Для некоторых выходом из сложной жизненной ситуации был уход в монастырь.

Таким образом, форсированное создание на Урале промышленности резко меняло традиционный уклад жизни населения, ставило его в прямую зависимость от нужд обеспечения производства и в малой степени могло компенсировать ущерб, наносимый домохозяйству приписных крестьян.

Примечания

¹ См.: Кабузан В.М. Население Урала в 20–60-х гг. XVIII в. (численность, размещение, этнический состав) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 48.

² Х. Хадсон-младший, Б. Дехардт, Д. Гриффитис. Пролетарии по указу: история приписных крестьян в России (1630–1861 гг.) // Уральский исторический вестник. №9. Екатеринбург, 2003. С. 37.

³ См.: Нефедов С.А. Уровень жизни в России XVII века // Уральский исторический вестник. №9. Екатеринбург, 2003.

⁴ Голикова С.В. Домохозяйство в окружной системе горнозаводского Урала // Уральский исторический вестник. №9. Екатеринбург, 2003. С. 122.

⁵ Н.М. Арсентьев, М.Ю. Нечаева, А.С. Черкасова. Семья рабочих в первой половине XIX в. По материалам замосковных и уральских заводов (типология и состав) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 128.

⁶ См.: Описания заводов хребта Уральского, составленные пермским берг-инспектором П.Е. Томилиным (1807–1809) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956.

⁷ Л.А. Дашкевич. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. №5–6. Екатеринбург, 2000. С. 303.

М.А. Вельбой (УрГЭУ)

К ВОПРОСУ О ДОХОДАХ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 1940-х гг. В ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI века

Уровню благосостояния городского населения в указанный период посвящено достаточное количество работ в центральных и местных изданиях.

Говоря о городском населении, можно отметить темы и события, получившие наибольшее освящение в литературе. Это денежная ре-

форма 1947 г., отмена карточной системы, снижение цен. В отличие от однозначных оценок советского периода авторы 1990–2000 гг. с разных ракурсов рассматривают реформы 1940-х гг. и их влияние на рост благосостояния горожан.

Общим для большинства исследователей является признание того, что уровень доходов населения в послевоенные годы был низким, а положение достаточно тяжелым. Но насколько оно улучшается в сравнении с военным периодом, и насколько была действенной социально-экономическая политика государства? На этот счет исследователи расходятся во мнениях.

Г. Ханин¹ пишет о резком повышении заработной платы высококвалифицированным научным работникам сразу после войны, и в целом отмечает реальный рост доходов населения, начиная с 1948 г. И.Л. Мартюшова², характеризуя уровень доходов рабочих в 1940-е гг., сравнивает его с довоенным периодом. По мнению автора, доходы росли, и в результате реформ к 1950 г. реальная заработная плата рабочих достигла уровня 1940 г. (что в реальности соответствует уровню 1913). Иными словами, с точки зрения И.Л. Мартюшовой, жизненный уровень и доходы населения по сравнению с дореволюционным периодом практически не выросли.

Показателем объема доходов, по мнению большинства исследователей, являются данные о покупательной способности населения, т.е. о том, какое количество товаров и услуг данный доход мог обеспечить. Именно с таких позиций рассматривают проблему В.П. Попов и В.М. Уралов³. В.М. Уралов определяет покупательную способность населения через отношение заработной платы к стоимости ежемесячного минимального набора продуктов питания (МНПП). Данный набор наиболее устойчив по потреблению и подходит для различных групп населения. В него входят девять основных продуктов питания (мясо, молоко, яйца, рыба, сахар, подсолнечное масло, овощи, мука, картофель), в определенном количестве из расчета на суточное потребление 2850 калорий. По мнению В.М. Уралова⁴, после Великой Отечественной войны (в 1947 г.) МНПП стоил 58,22 руб. Цена его ежегодно снижалась, и составила к 1950 г. 31,30 руб. На свою заработную плату рабочий мог купить в 1940 г. полтора месячных минимального набора продуктов питания, а в 1950 г. — 2,24. Таким образом, по данным В.М. Уралова, покупательная способность населения в послевоенный период неуклонно росла, и превышала довоенный уровень.

Несколько иначе оценивает ситуацию В.П. Попов⁵. По его мнению, реальные размеры заработной платы были низкими, а выплаты ее нерегулярными. Из приведенных автором данных следует, что почти 40% рабочих и служащих страны имели такой фактический месячный заработок, из которого половина и более должна была пойти на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму. Автор отмечает также значительный рост налогов и госзаимов в указанный период. Повышение налогов, по мнению В.П. Попова, практически сводило на нет позитивные результаты реформ. Автор на основании анализа бюджетных обследований семьи рабочих Москвы приходит к интересным выводам. После войны по многим важнейшим продуктам питания (мясо, рыба, сахар, овощи) рабочие едва получали половину полагающейся физиологической нормы потребления. В.П. Попов, ссылаясь на расчеты Минфина СССР, приводит данные о прожиточном минимуме в Москве осенью 1948 г. Он составлял 1933 руб. (на человека в месяц), в том числе: продукты — 946 руб., одежда — 728, жилье — 98, прочие расходы — 160 руб. Такой среднемесячной зарплаты, которая бы обеспечивала прожиточный минимум, в СССР не имел в те годы ни один даже самый высокооплачиваемый рабочий. В Вашингтоне в 1948 г. соответствующий показатель составлял 251 долл.⁶

На наш взгляд, данные В.П. Попова о прожиточном минимуме в послевоенный период несколько завышены. Нельзя забывать о том, что это был достаточно сложный для страны период. И определенные лишения были скорее нормой, чем исключением.

Освещая проблему послевоенной социальной политики и благосостояния населения невозможно обойти стороной такие правительственные мероприятия, как отмена карточной системы и денежная реформа 1947 г.

В советский период данные правительственные мероприятия рассматривались как следствия восстановления экономики разрушенной войной страны. При этом реформы оценивались как однозначно положительные мероприятия, повлекшие за собой повышение благосостояния граждан. Иначе оценивают данные реформы исследователи постсоветского периода.

С точки зрения И.М. Волкова, Е.Ю. Зубковой, А.В. Пыжикова⁷ реформа отмены карточек носила конфискационный характер. Государство фактически сняло с себя всякие обязательства по гарантированному, карточному снабжению городского населения и рабо-

чих (3,5 млн взрослых). В основном пострадали неработающие взрослые иждивенцы. Они до нового урожая должны были сами находить источники приобретения хлеба: покупать на рынке или по коммерческой цене. Необдуманная мера правительства подготовила голодную зиму 1946–1947 гг. И хотя проблема голода коснулась, по мнению большинства исследователей, в основном сельских жителей, Е.Ю. Зубкова⁸ приводит данные о сложной ситуации в городах, где на предприятиях в связи с уменьшением лимита на выдачу хлеба и продуктов фиксировалось возрастающее число рабочих больных дистрофией.

Негативно оценивают последствия денежной реформы 1947 г. В.П. Попов и А.В. Пыжиков⁹, настаивая на ее конфискационной и асоциальной направленности. Несколько иначе оценивают последствия реформ исследователи А.П. Паршев и Г. Ханин¹⁰. Жертвами реформы, по их мнению, стали преимущественно спекулятивные элементы и часть номенклатуры, обогатившиеся в период войны, поскольку рядовые граждане жили в основном от полочки до полочки и не имели значительных денежных сбережений. Фактических аргументов в пользу своих доводов авторы не приводят. Поэтому выявить насколько «обеднело» население после денежной реформы на основании работ вышеназванных исследователей не представляется возможным.

Наиболее взвешенным, на наш взгляд, является мнение о результатах реформ, высказанное Е.Ю. Зубковой¹¹. По ее мнению, реформа сократила объем наличных денег у населения, но так и не ликвидировала диспропорцию между спросом и предложением. Положение на потребительском рынке было достаточно критическим. В ряд дефицитных товаров попадал, прежде всего, хлеб. В результате на местах стихийно начала восстанавливаться нормированная система снабжения — в виде карточек, заборных книжек, специальных пропусков.

Но проблема дефицита распространялась лишь на некоторые товары. Е.Ю. Зубкова, Г. Ханин при описании периода отмечают изобилие в магазинах ряда товаров, исчезнувших впоследствии с прилавков. Но цены зачастую были недоступны. Горожане ходили в магазины, как на «экскурсию» — посмотреть, прикинуть, что купить.

В целом уровень потребления в СССР в послевоенные годы был достаточно низким. Это мнение также разделяет большинство уральских исследователей Н.В. Боброва, В.П. Мамяченков, И.Л. Мартюшева, Г.Н. Шапошников, Л.В. Шубарина¹².

Низкий уровень жизни, по мнению А.В. Пыжикова¹³, вел к росту недовольства населения. С этой точкой зрения не согласна Е.Ю. Зубкова, по ее мнению трудности жизни воспринимались большинством населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Население, уже привыкшее к лишениям, терпеливо переживало трудности.

Еще одним мероприятием правительства 1940-х гг., получившим неоднозначную оценку современных исследователей, является снижение цен. Неоднократное снижение цен на продовольственные и промышленные товары массового спроса началось еще в 1946 г., и с 1948 г. превратилось в ежегодное мероприятие.

По мнению В.П. Попова¹⁴, регулярное снижение цен в основном выполняло функцию идеологическо-пропагандистского допинга, не улучшая фактическое материальное положение рабочих. По мнению Е.Ю. Зубковой¹⁵, данное мероприятие несколько повысило покупательную способность населения, хотя впоследствии именно оно спровоцировало угрозу прогрессирующей инфляции. И.Л. Мартюшова¹⁶ считает, что снижение цен не решало проблему потребления, при невысоких государственных ценах на товары народного потребления ощущался их постоянный дефицит, что способствовало росту спекуляции. Но, независимо от экономических последствий снижения цен, большинство авторов сходится во мнении в том, что положительную реакцию у населения данное мероприятие вызывало. И его функция, как мощного пропагандистского рычага, влияющего на общественное мнение, бесспорна.

Новой для историографии является проблема сравнения уровня доходов населения СССР и Западной Германии в послевоенный период. По мнению Е.Ю. Зубковой¹⁷, в исторических судьбах обеих стран можно найти немало очевидных, а порой и парадоксальных переплетений: продовольственный кризис, балансирование на грани голода и просто голод, карточная система, характерны как для СССР, так и для Германии послевоенных лет. Но отличия все-таки были. Е.Ю. Зубкова приводит данные о германских военнопленных из советских лагерей, по мнению которых в СССР «они получали весьма скудный продовольственный паек, но местные жители находились еще в более худшем положении и порой вели полуголодное существование»¹⁸. Еще одной отличительной чертой является тот факт, что в Германии проблема продовольствия в 1946–1947 гг. являлась в целом городской проблемой (т.к. города в значительной степени пострадали от войны).

В СССР проблема голода острее стояла в деревне, что объясняется существованием системы нормированного снабжения в городах, где было легче прожить. Этот факт обусловил разнонаправленность миграционных векторов в обеих странах. Попытка организации «рабочих огородов», которые в свое время помогли выжить ленинградцам, москвичам и жителям других городов в Берлине не удалась: сказался традиционный менталитет немецкого горожанина. Поэтому проблеме самообеспечения берлинское население в 1945 г. решало по-своему: открывались курсы о съедобных растениях, которые можно было найти в городских парках и пригородных лесах, консультации для домохозяек, на которых разъяснялось, как нужно перерабатывать собранные растения, как наиболее рационально использовать 20 г мяса, которые выдавали по карточке пятой категории, или 40 г, положенных по третьей карточке. Курсы были очень популярны. В СССР проблема питания решалась по другому. Е.Ю. Зубкова не приводит данных о погибших в 1940-е гг. от голода немцах и не делает вывода «где лучше», но, в целом, тональность публикации приводит к мысли о более сложной экономической ситуации в СССР в указанный период.

Подводя итоги, необходимо отметить проблемы, исследование которых необходимо для дальнейшего углубления данной темы.

В первую очередь недостаточно изученной является проблема материальных последствий для населения денежной реформы 1947 г. На региональном уровне данная проблема фактически не изучена.

Во-вторых, не изученной в конкретно-историческом плане является проблема благосостояния в 1940-е гг. других групп городского населения: служащих, интеллигенции, чиновников и т.д.

В-третьих, недостаточно освещена в литературе проблема личных подсобных хозяйств городского населения. И их роль в обеспечении продуктами семей горожан в указанный послевоенный период.

В-четвертых, недостаточно изучена проблема благосостояния городского населения Урала в послевоенный период. Исследования уральских авторов затрагивают отдельные аспекты проблемы. Обобщающие работы конкретно по данному периоду отсутствуют.

В-пятых, фактически нет историографических работ по проблеме доходов горожан в послевоенный период.

Примечания

¹ Ханин Г Советское экономическое чудо: миф или реальность // Свободная мысль-XXI». 2003. №9.

² Мартюшова И.Л. СССР в 1945 — середине 1980-х гг. Социально-экономическое развитие. Екатеринбург, 2003.

³ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. №3. Уралов В.М. Уровень нашей жизни 1913–1993. М., 1995.

⁴ Уралов В.М. Уровень нашей жизни 1913–1993. М., 1995.

⁵ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. №3.

⁶ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. №3. С. 70.

⁷ Волков И.М. Засуха, Голод 1946–1947 годов // Отечественная история. 1991. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 2000; Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. №2. С. 35.

⁸ Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 2000. С. 77.

⁹ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. №3. Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. №2.

¹⁰ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 1999; Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф или реальность // Свободная мысль XXI». 2003. №9. С. 52.

¹¹ Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 2000.

¹² Боброва Н.В. Прикамье в первом послевоенном десятилетии: проблемы экономического и социального развития // Страницы истории Урала. выпуск 1. Сборник статей и информационных материалов. Пермь, 1993; Мамяченков В.Н. Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). Екатеринбург, 2002; Шапошников Г.Н. Быт связистов Среднего Урала в первые послевоенные годы (1945 — конец 1950-х гг.). / Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы 4-й региональной научной конференции. Екатеринбург, 2001; Шубарина Л.В. Судьба конструкторского коллектива Танкограда в послевоенный период (1945–1950 гг.) // Урал в контексте российской модернизации: Сб. статей. Челябинск, 2005.

¹³ Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. №2. С. 35

¹⁴ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. №3.

¹⁵ Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 2000.

¹⁶ Мартюшова И.Л. СССР в 1945 — середине 1980-х гг. Социально-экономическое развитие. Екатеринбург, 2003. С. 6.

¹⁷ Зубкова Е.Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. №5. С. 91.

¹⁸ Зубкова Е.Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. №5. С. 92.

А.А Гагарин (ИИиА УрО РАН)

**РАБОЧИЙ КОЛЛЕКТИВ
ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА В 1900–1940 гг.:
К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ**

Целью исследования стало выяснение степени изученности проблемы «Рабочий коллектив ВИЗа в 1900–1940 годах». Анализ изученных материалов позволил прийти к выводу о необходимости условного деления историографии изучения проблемы на три временных этапа: дореволюционный, советский, постсоветский этап.

До революции изучение истории ВИЗа в основном сводилось к изданию статистических сборников различных государственных ведомств, а также отчетов, связанных с деятельностью горнозаводской промышленности учреждений и лиц. Сведения о ВИЗе в них обширны, но имеют прикладную производственную направленность и редко ориентированы на рассмотрение условий существования рабочего коллектива завода. Таковы, к примеру, «Отчеты горного департамента» или «Отчеты акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов, бывших Яковлева»¹.

В советский период массив статистических материалов, связанных с производственными условиями ВИЗа сокращается. Последние серьезные исследования состояния завода относятся к 30-м годам, когда выходит «Характеристика действующих заводов черной металлургии Урала»², где в числе прочих дана подробная статистика по производственным мощностям и возможностям Верх-Исетского завода, сведения по его хозяйственной части.

Однако в данный период выходит несколько работ, связанных с исследованием условий труда и повседневной жизни рабочих ВИЗа. В первую очередь это два сборника статей, объединенных общей тематикой, в основу которых было положено исследование, проведенное специалистами Свердловского окружного отделения здоровья и Свердловского окружного отделения труда: «Труд и здоровье марте-